

О.И. ВЕНДИНА

ГОРОДА НА ГРАНИЦЕ:

ИСПЫТАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫМ РАЗНООБРАЗИЕМ¹

Urban Studies and Practices Vol.1 #3, 2016, 7-30
<https://doi.org/10.17323/usp1420167-25>

Автор: Вендина Ольга Ивановна, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии РАН.

E-mail: o.vendina@gmail.com

Аннотация

Культурный плюрализм является чертой, имманентно присущей приграничным городам. Их географическое положение и роль в истории своих и соседних стран определяют наличие активных трансграничных контактов и взаимовлияний, и ставят людей перед выбором культурного мира, к которому они хотят принадлежать. Эта ситуация значительно усложняется глобализацией, миграциями и геополитическими потрясениями. Города на границах первыми реагируют на происходящие изменения и вызовы, порождаемые массовыми перемещениями людей и взрывным ростом этнокультурного разнообразия. Значение политического опыта, накопленного приграничными городами, их практика и умение справляться с новыми вызовами выходят далеко за рамки частного случая. Сегодня все крупнейшие города мира стоят перед сходными проблемами. Именно для них первостепенное значение имеет ответ на вопрос о стратегиях и практиках, мотивировавших или принуждавших жителей приграничных городов, во-первых, к интеграции в городское сообщество и, во-вторых, к осознанию своего единства с жителями остальной страны. В статье эти проблемы анализируются на примере городов, развитие которых было вызвано территориальной экспансией Российской империи (Тифлис и Харбин), а также городов, расположенных на современных границах Российской Федерации, многие из которых обрели пограничный статус в результате распада СССР и «сжатия» российского пространства. Автор приходит к выводу, что не политический режим или государственная система являются главными факторами, отвечающими за межкультурное согласие. Большее значение имеет плюрализм городских сообществ и признание этого факта горожанами. «Испытание разнообразием» состоит в умении власти и общества выстроить компромиссы между ценностными реалиями вчерашнего и сегодняшнего дня, между тем, что важно для человека как члена «своего» сообщества и как жителя города.

Ключевые слова: плюрализм; этнокультурное разнообразие; приграничные города; миграции; Российская империя; Российская Федерация; национализм

Введение

Города и границы — неперенные атрибуты и символы государства: границы определяют его физические и юридические пределы, а города — возможности управления, контроля и развития территорий. В историческом прошлом эти две функции были тесно связаны: города-крепости служи-

ли маркерами границ, способом установления и охраны территориальных прав. Но по мере развития государств и обретения более мобильных средств контроля и защиты рубежей положение города на границе стало восприниматься скорее как нонсенс. Тому есть две причины: одна связана с близостью к источникам внешних угроз, уязвимостью города в случае вооруженных конфликтов, вторая — с выгодами местоположения. «Порог» границы делал приграничные города узлами товарных и денежных обменов, а внешние источники экономического процветания снижали зависимость от внутренних обстоятельств, позволяя расширять свои права и свободы. Карта Вестфальского мира с кружком вольных имперских городов, как правило, распо-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ): проект № 15-18-00064 «Новые подходы и методы регулирования этнополитических отношений на территории крупнейших городских агломераций России» (раздел «Города Российской империи») и проект № 14-18-03621 «Российское пограничье: вызовы соседства» (раздел «Современные города на границах РФ»).

ложенных по кромке новых для того времени суверенных государств, наглядно иллюстрирует этот тезис.

Нестабильное соотношение выгод и угроз приграничного положения ставило судьбу пограничных городов в зависимость от геополитической ситуации. Многочисленные переделки карты мира, в результате которых одни города утрачивали свою приграничность, а другие — обретали, всякий раз подвергали их жизнь глубокому стрессу. Иногда исторические перипетии меняли не приграничную позицию города, а его государственную принадлежность. Потоки беженцев, обмена населением, разрыв хозяйственных связей и обвал городской экономики были частыми спутниками таких перемен. Граница актуализировала этнические и социокультурные различия, конкуренцию за определение «наших» и «не наших», влияла на реформирование отношений в местном сообществе, переопределение доминантных и подчиненных групп. Яркий пример — города Закарпатской области современной Украины, население которых только в XX в. шесть раз пережило смену государственности и конфигурации границ. В роли то господствующих, то дискриминируемых народов побывали венгры, русины, украинцы и русские. Но и в тех случаях, когда новая граница не нарушала межэтнический баланс, как, например, на российско-эстонской границе, разделяющей Нарву и Ивангород, по обеим сторонам которой русские составляют большинство населения, она меняла локальный социум, обнаруживая неравенство доступа к ресурсам и возможностям.

Однако границы не только делили пространство, но и «сшивали» его. Социально-экономические градиенты развития соседних территорий и поиск взаимных выгод стимулировали трансграничные взаимодействия. Становясь частью экономики, граница становилась и фактором формирования локальной культуры, отличающейся от характерной для внутренних регионов страны. Яркий пример Калининград/Кенигсберг. Известный журналист и автор многих путеводителей Василий Иванович Немирович-Данченко писал: «Кто попадает в Кенигсберг не из России, а из Германии, тому он покажется совсем не немецким городом. <...> Кенигсберг очень близок к русской границе — и поэтому всего более знаком с нами» [Немирович-Данченко, 1892, с. 15–16].

Сегодня, напротив, подчеркивается нероссийская природа города и культурная дистанция, существующая между его жителями и остальной Россией [Гаврилина, 2013]. Это не сугубо российский или калининградский феномен, его можно встретить повсюду. Жители приграничного Харькова акцентируют свою локальную идентичность в противовес общеукраинской, впрочем, как и жители украинских городов на границе со странами ЕС. Китайский Хэйхэ, выросший в постсоветские годы напротив Благовещенска, не только привлекает россиян вывесками на русском языке, но и китайцев, позиционируя себя как почти Россию и предлагая туристам своего рода макет соседней страны с ее обязательными атрибутами — Пушкиным, березками и холодной зимой.

Активные трансграничные контакты жителей приграничных городов привлекают к ним повышенное внимание как со стороны своего, так и соседнего государства. Задачи интеграции населения актуализируются по обе стороны границы, ставя людей перед выбором культурного мира, к которому они хотят принадлежать. Идеи «культурной отличительности» и «культурного единства» вступают в конкуренцию. Одни города находят решение этой проблемы в наращивании разнообразия своей жизни, другие, напротив, в его подавлении. Анализ накопленного ими политического опыта выходит за рамки частного случая, имеющего значение только для приграничья. Сегодня перед проблемой множественности и конкуренции идентичностей стоят все крупнейшие города мира — основные миграционные магниты. Именно для них первостепенное значение имеет ответ на вопрос о стратегиях и практиках, мотивировавших или принуждавших жителей приграничных городов, во-первых, к интеграции в городское сообщество и, во-вторых, к осознанию своего единства с жителями остальной страны. История России, связанная с расширением пределов государства в XIX в. и их сжатием — в конце XX в., дает богатый материал для такого анализа. Одним из его направлений является обращение к опыту Российской империи. Имперские идеи и имперская власть сформировали мир, в котором мы живем сегодня, вместе с его границами, взаимными претензиями, геополитическими приоритетами и этнокультурным размежеванием. Другим — рассмотрение ситуации в современном российском пограничье. Непо-

средственно на границе Российской Федерации (в пятикилометровой пограничной зоне) располагается 17 городов, большинство — малые и средние, но есть и крупнейшие, такие как Сочи, агломерация Орск — Новотроицк и Благовещенск. Список городов, попадающих в пятидесятикилометровую приграничную зону, намного длиннее и включает Хабаровск, Калининград, Псков, Смоленск, Белгород и Астрахань.

Территориальная экспансия Российской империи и города национальных окраин

Территориальная экспансия Российской империи в XVIII и XIX вв. требовала от царской администрации решения задачи примирения местного этнокультурного самосознания с мыслью о вхождении в состав государства, власть в котором принадлежала «другим»². Эта проблема чрезвычайно беспокоила общественных деятелей того времени. Одни из них были сторонниками идеи постепенного обрусения национальных окраин и цивилизационной миссии России, другие опасались мятежности новых российских подданных и призывали к усилению административного и военного контроля, третьи рассуждали о стремлении империи к достижению своих «естественных» пределов, в качестве которых рассматривались горные хребты, моря и даже океаны, четвертые предупреждали о возможности обратного влияния на русских покоряемых ими «нецивилизованных» народов и племен [Кудряшов, 2015]. Столь же бурно обсуждалась и политика преференций в отношении «иностранцев». Она имела как сторонников, подчеркивавших ее значение для снижения градуса протестных настроений и стимулирования интеграции населения страны, так и оппонентов, утверждавших, что привилегии мотивируют народы-бенефициары к еще большему дистанцированию от русских и акцентированию различий [Бородкин, 1910].

Советский подход к национальному вопросу также не был свободен от противоречий. Когда возникала необходимость подчеркнуть «братство народов», говорилось о нена-

сильственной многовековой колонизации огромных пространств, а когда нужно было заклеить империю, то — о «тюрьме народов» и утверждении власти над ними без их на то согласия, национально-освободительной борьбе и политических репрессиях. В первые десятилетия советской власти существовала идеологическая установка на отождествление «национального угнетения» и «экономической отсталости» периферийных территорий. Нерусские народы — «жертвы» царизма и колониализма, приравнивались к пролетариату, что делало их объектом особой заботы со стороны государства [Slezkine, 1994]. Основу такой политики составлял парадокс, сформулированный Лениным, согласно которому продвижение идей марксизма через посредство этнических языков и культур должно было привести к осознанию народами пролетарской общности интересов и отмиранию этнического партикуляризма [Ленин, 1976]. Когда обнаружилось, что ленинская модель стирания межэтнических границ вместо пролетарского интернационализма продуцирует этноцентризм и фрагментацию общества, приоритет был отдан целенаправленной политике формирования новой общности «советский народ», опиравшейся на русский язык и культуру [Гросул, 2012]. Однако идея культур «национальных по форме, но социалистических по содержанию» дожила до распада СССР, принесла как позитивные (за советские годы были сохранены и получили развитие языки и культуры множества больших и малых народов страны), так и негативные плоды (укрепление национального самосознания).

Сегодня оценки имперской политики России вновь изменились: современные специалисты сходятся в том, что российскую экспансию неверно рассматривать с позиций европейского колониализма, деления на колонизаторов и колонизируемых [Дякин, 1998; Канпелер, 2000; Миллер, 2005; Lieven, 2002]. Многие народы под давлением обстоятельств, прежде всего их элиты, видели преимущества вхождения в более мощное государственное образование, пусть и в роли «младшего брата». Это повышало их статус, открывало новые возможности, способствовало развитию, тем более что требование лояльности со стороны царской власти предполагало интеграцию в российское правовое пространство, но не культурную гомогенизацию. Такая заинтересованность со стороны этнических элит

2 Сегодня все постимперские государства сталкиваются с обратной стороной этой проблемы. Жители прежних колоний и национальных окраин, перебравшиеся в города бывшей метрополии, требуют признания своих прав и примирения самосознания их жителей с привносимым культурным плюрализмом и этническим многообразием.

и местной интеллигенции позволяла не только завоевывать или присоединять территории к Российской империи, но и удерживать их. Признание различий народов, населяющих страну, их истории и культуры, означало различие моделей управления, опору как на военную силу, так и на местные традиции, инкорпорацию элит в имперский административный аппарат, прагматичный подход к многообразию верований подданных и предоставление национальным окраинам экономических и политических преференций [Ливен, 2010; Burbank, Cooper, 2011; Шербина, 2004].

Однако стратегия дифференцированного управления народами, применимая к территориям, становилась проблематичной в отношении городов, где представители разных этносов и вероисповеданий жили бок о бок, требовалось физическое и символическое присутствие империи, представителей ее администрации и институтов (от гарнизона до театра), которые были «чужими» для местного социума. Чтобы понять, какие факторы способствовали выстраиванию межэтнических отношений в городах и препятствовали возникновению конфликтных ситуаций на этнической почве, обратимся к историческому опыту двух знаковых для Российской империи городов. Один из них — Тифлис (Тбилиси)³, город с многовековой историей и традициями. Второй — Харбин — «столица» Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД): город начал обустраиваться в 1898 г. и воспринимался как центр российского влияния на территории Китая.

Тифлис и Харбин — «ближний» и «дальний» восток Российской империи

Современный Тбилиси ощущает себя форпостом новой волны европейской интеграции, городом, освободившимся от ига «российской азиатчины». Но в конце XVIII — начале XIX вв., когда Грузия, по словам Пушкина, «прибегнула под покровительство России», он был олицетворением ориентальной экзотики [Pushkin, 1960]. За свою длительную историю Тифлис знал множество набегов и завоеваний, включая более чем двухсотлетний период арабского владычества и почти

³ Поскольку речь идет о Российской империи, то представляется целесообразным сохранить прежнее название города, фигурирующее в исторических документах и исследованиях.

столетний — монгольского. Однако основной отпечаток на его облике оставили Персидская и Оттоманская империи, которые веками соперничали между собой за контроль над важнейшими торговыми путями на Кавказе. Тифлис был мультиэтническим и многоязычным городом, его жители исповедовали разные религии, вплоть до зороастризма. Сопrotивление внешним влияниям здесь всегда сочеталось с освоением и присвоением новых культурных практик, мод и правил поведения. Когда страна «перешла под скипетр императора Александра» [Pushkin, 1960], культурное многообразие города возросло еще более. В Тифлисе не только появились русские солдаты и многочисленные выходцы из русских губерний, но и польские ссыльные, и немецкие колонисты, которые, как казалось имперским властям, могли выполнить цивилизаторскую миссию в отношении местного «азиатского населения» (Прил. 1).

Харбин — административный центр китайской провинции Хэйлунцзян, на первый взгляд ничем не напоминает Тифлис. Город возник немногим более ста лет назад (факт, оспариваемый китайскими историками) и в первые десятилетия своего существования считался «русским» и «европейским», несмотря на «восточность» географического положения и китайскую «прописку». Экзотическим он казался скорее китайскому, нежели русскому населению. Русская культура и язык в нем явно доминировали, хотя город изначально формировался как интернациональный, здесь работали консульства всех европейских стран и постоянно звучала не только русская и китайская, но и французская, английская и немецкая речь. В момент основания городу предназначались чисто технические и коммерческие функции управленческого центра российской концессии в Китае, но очень быстро, после обретения КВЖД экстерриториального статуса, он превратился в колониальный город, подобный тем, что были построены «с нуля» в заморских колониях европейских метрополий. Его бурное экономическое развитие, связанное с ролью транспортного узла, привлекло в Харбин не только россиян, занятых преимущественно на железной дороге, в строительстве, торговле и сервисе, но и местных жителей, искавших любых заработков (Прил. 2).

Несмотря на кардинальные различия между Тифлисом и Харбином — городами «ближнего» и «дального» востока Российской

империи, между ними можно обнаружить и некоторое сходство. Столкнувшись с вызовом роста культурного разнообразия, они отреагировали на него по-разному, но пришли к похожему итогу: мультикультурные региональные столицы, оказывавшие влияние на развитие огромных пространств, далеко выходявших за их административные пределы, трансформировались в монокультурные города, утратившие прежнее влияние и пытающиеся черпать ресурсы развития в эксплуатации своего блистательного наследия. Такому сценарию развития событий во многом способствовал национализм, который в обоих случаях позитивно трактовался как патриотизм, путь к обретению «своей» истории, сохранению и развитию культуры.

Тифлис с конца XIX в., а Харбин с первой декады XX в. были ареной борьбы за культурное доминирование «титупьной нации» (грузин и китайцев), но имперская администрация реагировала на это по-разному. В Тифлисе она противодействовала межкультурным (межэтническому и межконфессиональному) антагонизмам, используя систему сдержек и противовесов, запретов и разрешений, отдавала приоритет интеграционным мерам, а не поддержанию этнокультурной отличительности. Тифлис не был «плавильным котлом». Его жители оставались армянами, русскими, грузинами, татарами, немцами, поляками, греками, турками и проч., но они ощущали свою причастность к империи. Механизмом реализации такой политики было вытеснение культурного разнообразия в сферу частной жизни при стимулировании единообразия в публичной сфере. Меры ассимиляции и институционализации духовных практик населения использовались наравне с мерами аккультурации. Ассимиляция коснулась прежде всего грузинского православия. Оно было лишено автокефалии и «растворено» в российском греко-восточном православии. Это событие породило внутренний протест в грузинском обществе и постепенно привело к смене духовных авторитетов: пророссийски настроенное духовенство уступило место антиимперской интеллигенции. Институционализация выразилась в постепенном становлении Евангелическо-лютеранской церкви, которая в 1832 г. вошла в состав официально признанных (традиционных) конфессий Российской империи. Институциональное оформление религиозных практик лютеран способствовало их интеграции в городское

сообщество Тифлиса. Сектанты, жившие до этого крайне обособленно, «растворились» среди тифлисских обывателей. Политика аккультурации включала ряд мер: инкорпорацию этнических элит города в российский образованный и правящий класс, расширение сферы использования русского языка и культуры в целом, просвещение и проч. Она решала задачи поддержания сравнительно однородной идентичности населения города и его лояльности государству, что позволило достаточно эффективно решать задачи городского управления и самоуправления. Ответ на вопрос, почему Тбилиси не удалось воспользоваться опытом Тифлиса и, обретя статус столицы независимого государства, сохранить свой культурный плюрализм, можно найти в истории Харбина, развивавшегося по иной траектории, но пришедшего к похожему результату.

Имперская администрация в Харбине (и в Петербурге) исходила из представления о второстепенности задачи культурной интеграции населения города, который хотя и управлялся по законам Российской империи, входил в состав другой страны. Казалось, что для решения управленческих задач достаточно обладать экономическими рычагами. «Русский» Харбин не обращал особого внимания на своих китайских жителей, составлявших более половины населения. Его космополитичную элиту в принципе мало интересовала этническая и конфессиональная принадлежность людей⁴, тем более что все конфессиональные и культурно-образовательные запросы меньшинств из числа российских подданных были удовлетворены. Они имели свои храмы, школы, музеи, общества и проч. Для администрации города куда важнее было поддержание стабильности функционирования железной дороги. В конечном счете игнорирование культурных факторов подорвало эту «стабильность». Интернациональный и открытый город стал местом зарождения, развития и утверждения различных национализмов, становлению которых наравне с дискриминацией значительной части населения способствовали его открытость и доступность различных социальных и культурных воз-

4 Харбин, например, был местом, где не действовали правила «черты оседлости», принятые в Российской империи и распространявшиеся, в том числе и на города Дальнего Востока. Это способствовало быстрому росту еврейской общины города.

возможностей. Череда исторических событий и переделов сфер геополитического влияния привела к тому, что на смену «русскому» Харбину пришел сначала «маньчжурский» Харбин (Маньчжоу-Го), а затем «китайский» (КНР). Возобладала политика подавления разнообразия во всех сферах жизни, основанная на нетерпимости ко всему инокультурному и прямо связывающая национально-государственную лояльность и этническую принадлежность граждан. В итоге победа над «врагом» (русский колониализм, японский милитаризм, маньчжурский сепаратизм), по отношению к которому происходило определение национальных целей, привела к обеднению городской жизни. И хотя цель была достигнута, победители проиграли. Резкое снижение городского разнообразия и привносимых им возможностей повлекли за собой не ожидаемое процветание, а социально-экономическую стагнацию. Барьером в развитии города стало не только сокращение финансовых возможностей и инвестиций, но и «страх» перед его историческим прошлым, память о котором не соответствовала официально продвигаемому нарративу.

Заключение

Оглядываясь на историю Тифлиса и Харбина (Прил. 1 и 2), с удивлением можно заметить, что в период территориальной, правовой и культурной экспансии Российской империи оба города неплохо справлялись с вызовами культурного разнообразия. И хотя сам собой напрашивается вывод о продуманности имперских методов управления городами национальных окраин, их опыт скорее свидетельствует о пользе внедрения функциональных институтов в дезорганизованную среду. Привнесение «готовых» институтов, более развитого законодательства и их адаптация к местным условиям в обоих случаях способствовали притоку инвестиций, людей, росту благосостояния и урегулированию возникающих межкультурных противоречий. Но те же примеры показывают ограниченность институционального подхода, поскольку устойчивость институциональных нововведений оказалась в сильной зависимости от далеко не всегда рационального поведения людей. В моменты социальной и политической дестабилизации главные социальные и политические агенты изменений действовали контрпродуктивно с рациональной точки

зрения, способствуя стремительной деградации институционального порядка. Это подводит нас к первому выводу: распространённые в обществе представления и нарративы, независимо от степени их соответствия реальности, способны как поддерживать функционирование институтов, так и подрывать их.

Второй вывод касается роли государства в регулировании межкультурных взаимодействий в городе. Опыт Тифлиса и Харбина показал, что межгрупповые взаимодействия в этих городах претерпевали изменения в зависимости от общей политической ситуации. Когда государство не опасалось за свою устойчивость и будущность, а его внешнеполитический авторитет не подвергался сомнению, оба города поддерживали рост культурного разнообразия, видя в этом многочисленные преимущества. Самоорганизация населения задавала тон процессам городского развития. Когда же, напротив, среди государственных политических элит господствовали страхи внешних влияний и сепаратизма, не забудем, что речь идет о городах на границе, всякое разнообразие начинало подавляться в пользу доминирующих этнокультурных групп и их экономических интересов. Самоорганизация населения допускалась лишь в контролируемых формах, отвечающих задачам идеологической поддержки власти и снижения уровня культурной неопределенности в обществе. Третий сценарий реализовывался в эпохи мощных геополитических сдвигов, когда российскому государству приходилось доказывать свою состоятельность. Деградация государственных институтов приводила к росту значения самоорганизации, принимавшей стихийные формы. Управление вытеснялось на периферию общественной жизни. Множество этно- и социокультурных групп вступало в борьбу за повышение собственного статуса, и происходил взрывной рост культурного разнообразия. Ситуация осложнялась разнонаправленными миграциями. Государство (удержавшееся в смуте или новорожденное) волей или неволей должно было вмешиваться в эти процессы, продвигая «свои» интересы, которые зависели от решаемых задач национально-государственного строительства. В эти периоды становилось особенно очевидно, что государство является одним из ключевых участников городских процессов, а не только их внешним наблюдателем или верховным арбитром.

Третий вывод имеет теоретическое и практическое значение для адекватного понимания роли факторов, которые способствуют межэтническому согласию в городах и препятствуют возникновению конфликтных ситуаций. Опыт Тифлиса и Харбина показывает, что понятия «большинство» и «меньшинство» — это не заданные опции, а социальные роли, которые в зависимости от политической конъюнктуры могут принадлежать как статистическому большинству, так и меньшинству населения. Ресурсы власти — финансовые, административные, культурные, символические — важнее численности населения. Взаимозаменяемость и ситуативность распределения ролей предопределяет несостоятельность практики игнорирования групповых интересов значительной части городского населения, даже если речь идет о подданных (гражданах) другого государства. Фрустрация, порождаемая статусом подчиненного «меньшинства», который не соответствует реальной значимости наделяемых им групп и индивидуальной самооценке людей, чревата конфликтами. Социально-психологическая природа этой проблемы делает компенсацию моральных издержек для тех, кому отводится роль меньшинства, временным и паллиативным решением. Столь же ненадежной представляется и ставка на достижение консенсуса в понимании общих интересов между культурно доминирующим «большинством» и «меньшинствами». Проблема не только в множественности меньшинств, но и в неоднородности большинства. Так, «русские», будучи доминантной группой в предреволюционном Харбине, интегрировавшей представителей многих других российских народов, в постреволюционный период оказались расколоты не только по этнокультурным, но и по идеологическим линиям. Национальный фронт «китайского Харбина» после реализации каждой из составлявших его групп своих первоочередных целей раскололся на конфликтующие национальные движения. С этой проблемой столкнулся и Тбилиси, став практически полностью «грузинским» и решив задачу этнокультурной консолида-

ции, он раскололся по внешнеполитическим ориентирам. Похоже, что решение проблемы выстраивания межкультурных отношений в городе лежит не в плоскости взаимодействий «большинства» и «меньшинств», а в сфере поиска компромиссов между тем, что важно для человека как члена «своего» сообщества и как жителя города.

Наконец, важный вывод связан с ролью, которую городская жизнь и городская среда играют в интеграции городского населения. Этому способствуют такие далекие от этнической принадлежности людей факторы, как красота города, наличие многочисленных контактных зон — публичных пространств, плотная сеть переплетающихся личных связей, трансляция образцов поведения, мод и жизненных стандартов, которые, несмотря на их сиюминутность, оказываются не менее долговечными, чем памятники материальной культуры. Так, в Харбине сохранилась привычка носить зимние сапоги, а русское меню ресторанов воспринимается как традиционное. Знаменитый фестиваль ледяных скульптур напоминает о былых зимних праздниках на Святки и Масленицу [Хуэй, 2015]. Тбилиси в еще большей мере наполнен свидетельствами общности культурной истории Грузии и России, начавшейся с Грибоедова и завершившейся Музеем советской оккупации. Другими словами, город работает как самонастраивающаяся система, не допускающая конфликтов. Этот потенциал у города есть всегда, но он не безграничен; относительная свобода саморегулирования этнополитических процессов не означает, что их можно пустить на самотек. Зависимость городского благополучия не только от продуманных решений, но и от иррациональных факторов, которые начинают играть ключевую роль в случае форс-мажорных обстоятельств, заставляет перекинуть мостик из прошлого в современность и обратить внимание на настроения людей, живущих в городах, расположенных на современных границах Российской Федерации.

(Продолжение статьи см. в № 4 за 2016 г.)

Литература

Аблова Н.Е. (1999) Российская фашистская партия в Маньчжурии // Белорусский журнал международного права и международных отношений. № 2. С. 58–61.

Аблова Н.Е. (1998) История КВЖД и российской колонии в Маньчжурии в конце XIX — начале XX в. (1896–1917 гг.) // Белорусский журнал междуна-

- родного права и международных отношений. № 3. С. 62–72.
- Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. (1990) Старый Тбилиси. Город и горожане в XIX веке. М.: Наука.
- Басихин П. (1900) Немецкие колонии на Кавказе. Этнографический очерк // Кавказский вестник. № 1. С. 14–26.
- Бахутов А. (1913) Путеводитель по гор. Тифлису с историко-этнографическим очерком и планом города. Тифлис: Типография «Шрома».
- Бородкин М.М. (1910) Финляндская окраина в составе Русского государства. СПб.: Государственная типография.
- Василенко Н.А. (1998) О численном и национальном составе населения Харбина в 1898–1917 гг. // Дальний Восток – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. Хабаровск: Частная коллекция. С. 62–64.
- Вейденбаум Е.Г. (1988) Путеводитель по Кавказу. Тифлиси.
- Велицин А.А. (1893) Немцы в России: очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на Юге и Востоке России. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза».
- Вермишев Х.А. (1904) Материалы по истории армяно-грузинских отношений. Ответ на книжку И. Чавчавадзе: Армянские ученые и «вопиющие камни». СПб.: «Пушкинская Скоропечатня».
- Верт П. (2006) Глава церкви, подданный императора: Армянский католикос на перекрестке внутренней и внешней политики империи, 1828–1914 // *Ab Imperio*. № 3. С. 99–138.
- Витте С.Ю. (1994) Финляндия // С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. II. М.: Скиф Алекс. С. 220–251.
- Витте С.Ю. (1991) Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. М.: Мысль. С. 327–328.
- Гаврилина Л.М. (2013) «Калининградский текст» как репрезентация городской идентичности // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*. № 5. С. 88–99.
- Гелашвили М.Б. (2012) Иоганн Готлиб Фихте и Илья Чавчавадзе: *Patres Patriae* // *Вестник МГИМО*. № 6 (27). С. 325–327.
- Гросул В.Я. (2012) Образование СССР (1917–1924 гг.). М.: ИТРК.
- Дякин В.С. (1998) Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – нач. XX вв.). СПб.: ЛИСС.
- Зейналова С. (2010) Формирование европейских этнических общин на Кавказе (XIX – первая половина XX в.). Баку: Мутарджим.
- Исмаил-Заде Д.И. (1991) Население городов Закавказского края в XIX – начале XX вв. (Историко-демографический анализ). М.: Наука.
- Каппелер А. (2000) Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М.: Прогресс-Традиция.
- Капран И.К. (2011) Повседневная жизнь русского населения Харбина (конец XIX в. – 50-е годы XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального университета.
- Кейдун И.Б., Елисеева Я.А. (2010) Общая характеристика системы высших государственных органов Маньчжоу-Го // *Вестник Амурского государственного университета*. Сер.: Гуманитарные науки. № 48. С. 31–36.
- Кудряшев В.Н. (2015) Восточная экспансия российской империи в оценке русских публицистов второй половины XIX в. // *Вестник Томского государственного университета*. История. № 1 (33). С. 79–86.
- Левашко С.С. (2003) Русская архитектура в Маньчжурии. Конец XIX – первая половина XX в. Хабаровск: Частная коллекция.
- Ленин В.И. (1976) О праве наций на самоопределение // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Издательство политической литературы. 5-е изд. Т. 25. С. 255–320.
- Ливен Д. (2010) Империя, история и современный мировой порядок // *Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма*. М.: Новое издательство. С. 283–325.
- Лиценбергер О.А. (2003) Евангелическо-лютеранская церковь в российской истории: XVI–XX вв. М.: Лютеранское культурное наследие.
- Ма На. (2015) Харбинский русско-китайский пиджин первой половины XX века и его влияние на русский и китайский языки и культуры // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. № 8–3 (50). С. 122–127.
- Мальцева М.П., Терехина В.С. (2002) Общественная жизнь Харбина в начале XX в. // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах*. Благовещенск: Амурский государственный университет. С. 430–434.
- Манифест императора Александра I к грузинскому народу об учреждении внутреннего управления Грузии (1992) // *Под стягом России. Сборник архивных документов*. М.: Изд. «Русская книга». С. 258–259.
- Мелихов Г.В. (1991) Маньчжурия далекая и близкая. М.: Наука.
- Миллер А. (2005) Национализм и империя. М.: О.Г.И.
- Немирович-Данченко Вас.И. (1996) «В гостях» – поездка по Кавказу // *Немирович-Данченко Вас.И. Собр. соч. в 3-х т.* М.: ТЕРРА. Т. 1.
- Немирович-Данченко Вас.И. (1892) По Германии и Голландии. Путевые очерки и впечатления. СПб.: Тип. Н.А. Лебедева.
- Нилус Е.Х. (1923) Исторический обзор КВЖД: 1898–1923 гг. Харбин: Тип. КВЖД и тов. «ОЗО».
- Оглезнева Е.А. (2011) Харбин как многонациональный и многоязычный центр в первой половине и середине XX в.: количественная характеристика языковой ситуации // *Вестник Амурского государственного университета*. Сер.: Гуманитарные науки. № 54. С. 110–120.

- Ольшевский М.Я. (2003) Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб.: Изд-во журнала «Звезда».
- Победоносцев К.П. (1926) Письмо от 20 июня 1986 г. / Центархив. Письма Победоносцева к Александру III. Т. II. М.: Новая Москва. С. 111–117.
- Победоносцев К.П. (1926) Письмо от 4 октября 1983 г. / Центр архив. Письма Победоносцева к Александру III. Т. II. М.: Новая Москва. С. 42–44.
- Пушкин А.С. (1960) Путешествие в Арзрум // Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. М.: ГИХЛ. Т. 5. С. 412–462.
- Распределение населения по родному языку и уездам Российской Империи кроме губерний Европейской России (2017). Тифлисский уезд, г. Тифлис. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. // Демоскоп Weekly. № 711–712. 1–22 января. Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php?reg=525 (дата обращения: 25.01.2017).
- Рыбаков А. (2010) «В области кесаря»: проблема статуса и структуры грузинской православной церкви после отмены автокефалии (первая половина XIX в.) // *Ab Imperio*. № 3. С. 113–151.
- Семенов-Тянь-Шанский В.П. (1910) Город и деревня в Европейской России. Очерк по экономической географии. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума.
- Серрано С. (2013) Грузинская православная церковь: воплощение национального единства или оппозиционная сила? // *Pro et Contra*. Т. 17. № 5 (сентябрь – октябрь). С. 66–79.
- Скурат К.Е. (2012) Грузинская православная церковь / Скурат К.Е. История Православных Поместных Церквей. Киев: Киевская духовная академия. С. 19–57
- Урушадзе А.Т. (2014) Тифлис в 1845–1854 гг.: столичные приметы и их значение // Города в этнокультурном пространстве народов Кавказа. М.: ИЭиА РАН. С. 174–183
- Усов В.Н. (2003) Последний император Китая Пу И (1906–1967). М.: ОЛМА-ПРЕСС. С. 159–162.
- Хунзэ Ч. (2014) Русские образовательные учреждения системы начального и среднего образования в Харбине (1898–1930 гг.) // Вестник Амурского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. № 64. С. 3–7.
- Хуэй М. (2015) Русская эмиграция в Харбине: взаимодействие двух культур // Гуманит. вектор. Сер.: Философия, культурология. № 2 (42). С. 128–135.
- Цагарели М. (1848) Грузинская Церковь свидетельница Православия Русской Церкви. СПб.
- Чавчавадзе И. (1902) Армянские ученые и «вопиющие камни» / пер. на рус. яз. Н.И. Алексеева-Месхиева. Тифлис: Тип. Груз. Изд. Товарищества.
- Чернова-Дёке Т.Н. (2008) Немецкие поселения на периферии Российской империи. Кавказ: взгляд сквозь столетие (1818–1917). М.: МСНК-пресс.
- Шербина А. (2004) Влияние интеграционных и модернизационных процессов на Российскую империю (вторая половина XIX – начало XX столетия) // *Логос*. № 5 (44). С. 201–215.
- Burbank J., Cooper F. (2011) *Empire in World History. Power and Politics of Difference*. Princeton University Press.
- Carter J.H. (2002) *Creating a Chinese Harbin. Nationalism in an International City, 1916–1932*. Ithaca: Cornell University Press.
- Chiasson B.R. (2011) *Administering the Colonizer: Manchuria's Russians under Chinese Rule, 1918–1929*. Vancouver: UBC Press.
- Freeze G.L. (2015) From Dechristianization to Laicization: State, Church, and Believers in Russia // *Canadian Slavonic Papers*. Vol. 57. No. 1–2. P. 6–34.
- Freeze G.L. (1996) Subversive Piety: Religion and the Political Crisis in Late Imperial Russia // *The Journal of Modern History*. Vol. 68 (2). P. 308–350.
- Gvosdev N.K. (2000) *Imperial Policies and Perspectives Towards Georgia, 1760–1819*. L.: Palgrave Macmillan UK.
- Koga Yu. (2008) “The Atmosphere of a Foreign City”: Harbin's Architectural Inheritance // *Consuming the Entrepreneurial City: Image, Memory, Spectacle I* / A.M. Cronin, K. Hetherington (eds). N.Y.: Routledge. P. 221–254.
- Lieven D. (2002) *Empire: The Russian Empire and its Rivals*. Yale University Press.
- Masafumi A. (2010) The China-Russia-Japan Military Balance in Manchuria, 1906–1918 // *Modern Asian Studies*. Vol. 44. No. 06. P. 1283–1311.
- Mollenkopf J., Castells M. (1991) *Dual City. Restructuring New York*. N.Y.: Russell Sage Foundation.
- Russian Empire. *Space, People, Power 1700–1930* (2007) / J. Burbank, M. von Hagen, A. Remnev (eds). Indiana University Press.
- Slezkine Yu. (1994) The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // *Slavic Review*. Vol. 53. No. 2. P. 414–452.
- Salukvadze J., Golubchikov O. (2016) City as a Geopolitics: Tbilisi, Georgia – A Globalizing Metropolis in a Turbulent Region // *Cities*. Vol. 52. P. 39–54.
- Suny R. (1994) *The Making of the Georgian Nation*. 2nd ed. Bloomington and Indianapolis.
- Tournefort P. de (1717) *Lettre XVIII. Voyage d'Armenie et de Georgie* // Pitton de Tournefort. *Relation d'un voyage du Levant, fait per ordre du Roy*. Vol. II. Paris: Imprimerie royale. P. 240–322.
- Tsitsishvili N. (ed.) (2010) *Cultural Paradigms and Political Change in the Caucasus*. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.

Приложение 1

Тифлис: альтернатива принципу «разделяй и властвуй»

Тифлис — важный торговый перекресток на пути из Каспийского региона в Средиземноморье — исторически был ареной соперничества разных империй за территориальный контроль на Кавказе. Лимитрофное положение города явилось причиной его многих несчастий и разорений, но одновременно создавало возможности для обретения внешних могущественных покровителей и получения дополнительных экономических ресурсов. «Торговля» лояльностью на протяжении веков была важной составной частью политики грузинских элит, готовых поступиться частью суверенитета ради национального самосохранения и поддержания идентичности¹. Это способствовало тому, что Тифлис вобрал в себя крайне разнородные культурные влияния. Преданность православию и сопротивление исламу здесь сочетались с персидскими и тюркскими нравами, модами и архитектурными веяниями, а языки и конфессии тесно соседствовали.

Ко времени официального провозглашения Картли-Кахетинского царства частью Российской империи в 1801 г. [Манифест..., 1992]² Тифлис не был цветущим городом. Он еще не оправился после тотального разорения войсками Ага Мохаммед-хана Каджара (1795 г.), эпидемий и голода, вызванных неурожаем. В 1811 г. его население насчитывало немногим более 8 тыс. человек. С высоты сегодняшнего дня может показаться, что Тиф-

лис был микроскопическим и малозначительным городком, но в те времена таков был средний размер подавляющего большинства городов Российской империи, да и соседних стран региона [Семенов-Тянь-Шанский, 1910]. Тифлис населяли преимущественно армяне (75,6%), на долю грузин приходилось 18,9% жителей, далее следовали русские — 2,1% — и «татары» — 2,0%, к которым относили азербайджанцев, поволжских татар, выходцев из Дагестана и турок [Анчабадзе, Волкова, 1990]³. Несмотря на вхождение в состав Российской империи, Тифлис довольно долго сохранял инерцию прежней жизни, постепенно накапливая изменения. Самые заметные из них были связаны с миграциями: армян и греков с территории Персии и Османской империи, появлением немцев-колонистов⁴, медленным ростом численности русских. Новые жители, как правило, создавали «свои» поселения, со временем ставшие районами города.

К 40-м годам XIX в. население Тифлиса превысило 25 тыс. человек, он превратился в большой город, радикально отличающийся от сельского окружения по составу жителей, характеру их занятий, образу жизни и возможностям. В 1844 г. царское правительство восстановило Кавказское наместничество, перенеся его центр в Тифлис. Нарастание городом административных ресурсов трансформировалось в «столичную ренту»: новое строительство и благоустройство, стягивание финансов и инвестиций, рост миграционной привлекательности и «славы». Большое влияние на происходящие процессы оказывала имперская переселенческая политика, которая преследовала три основные цели: а) экономическое развитие «окраин»; б) усиление русского присутствия на Кавказе; в) культурную и политическую интеграцию Грузии в состав Российской империи [Зейналова, 2010]. Хотя Тифлис далеко не всегда был целью переселенцев, он испытал на себе значительное миграционное давление.

Более или менее достоверные сведения об этнической структуре населения Тифлиса появились к концу XIX в., хотя и они достаточно

1 Эту черту отмечали многие исследователи Кавказа и политические деятели. Французский натуралист Питтон де Турнефор в своем травелогге по Леванту (1717 г.) отмечал: «Царь Персии вынужден тратить на Грузию гораздо больше, чем получает доходов от этой страны. Чтобы поддерживать лояльность грузинских аристократов, которые являются хозяевами страны и могут перевернуться на сторону турок, он вынужден выплачивать им большие пенсии» [Tournefort de, 1717, p. 318]. К.П. Победоносцев — один из влиятельнейших политиков своего времени, писал Александру III о «привычке» Грузии получать «щедрое милости на счет казны и казенных имуществ», сожалел, что «у здешних инородцев укоренилось понятие о том, что нынешнее управление стесняет их, а напротив того, надеются они на опору и защиту прежнего управления» [Победоносцев, 1926, с. 113].

2 Присоединение Западной Грузии (Имеретинского царства, Мегрельского, Абхазского и Гурийского княжеств) произойдет в 1803–1810 гг.

3 Приведенные данные не учитывают временного населения города — крестьян, ремесленников-отходников, солдат и чиновников.

4 Большая часть немецких колонистов Тифлиса, прибывших сюда в 1819 г. и поселившихся в предместье Куки, были выходцами из Вюртембергского княжества, остальные из Пфальца, Баварии и Гессена.

противоречивы. Несомненным является лишь факт численного преобладания армян, обладавших привилегиями городского сословия, но остававшихся «чужими» в грузинском обществе. В «Путеводителе по Кавказу» (1888) читаем: «В этнографическом смысле Тифлис есть и был с отдаленных времен городом армянским. Грузины жили в нем только по служебным обязанностям: это были военачальники и придворные чины, жившие каждый со своим обширным штатом, дворяне различных степеней, домашняя прислуга и крестьяне, занимавшиеся обработкой садов своих господ. Они были только временными и случайными обывателями города: главная оседлость их находилась в родовых вотчинах» [Вейденбаум, 1888, с. 332].

Согласно переписи 1897 г. постоянное население Тифлиса достигло 159,6 тыс. человек, его жители говорили на армянском (29,5%), русском (28,1%) и грузинском (26,4%) языках. Помимо этого, в ходу были татарский язык, который считали родным 3,4% населения Тифлиса, польский — 2,6%, немецкий — 1,8%, персидский — 0,9%, греческий — 0,7%, ассирийский — 0,6%, еврейский (идиш) — 0,5% и еще 1,5% составляли группы, говорившие на других языках [Распределение населения..., 1897]. В фундаментальном труде «Старый Тбилиси» приводятся данные для 1899 г., согласно которым в городе проживали 172,6 тыс. человек: на долю армян приходилось 36,4% населения, грузин — 26%, русских — 21,1%, «прочих» народов — 16,5% [Анчабадзе, Волкова, 1990, с. 29]. Из историко-этнографического описания Тифлиса можно узнать, что в 1910 г. население города (без войск) превышало 320 тыс. человек, половину из них составляли «коренные» жители. В составе населения преобладали армяне (40,9%), русские (22%) и грузины (картвельцы) (17,7%), на долю «прочих» приходилось 19,4% [Бахутов, 1913, с. 8].

В отличие от межэтнических пропорций населения Тифлиса, которые варьировали в зависимости от методик подсчета и взглядов их авторов, многоязычие города не вызывает сомнений, так же как и его пестрый конфессиональный состав. Более половины тифлисцев исповедовали православие в его русском, грузинском и греческом изводах. Хотя служба в «своих» храмах часто велась на своем языке, этнические границы между прихожанами были размыты. Люди посещали те храмы, которые им были удобны, а грузинский Успенский (Сионский) собор почитался

всеми православными как главный. Второй по численности прихожан была Армянская апостольская церковь — 29,5% верующих; ей принадлежала половина христианских храмов и один из монастырей. К римско-католической церкви относили себя 4,3% верующих Тифлиса, к армяно-католикам (в числе которых были и грузины) — 2,3%, и еще 0,4% населения — к католикам халдейского обряда. Немецкие и эстонские переселенцы были последователями протестантизма, преимущественно лютеранами-евангелистами (2%). Исламская община включала шиитов — выходцев из Азербайджана и Персии (4,1%), и суннитов — народов Поволжья, Дагестана и частично Азербайджана (1,8%), каждая из ветвей ислама имела свою мечеть. К концу XIX в. в городе действовали четыре синагоги, что отражало разнородность и разноразличные еврейской общины, включавшей тбилисских евреев, алхацинских евреев, иностранных («персидских») евреев и европейских («русских») евреев. Если говорить о социальном статусе разных этнических групп населения, то среди городских торгово-экономических и хозяйственных элит Тифлиса преобладали армяне, среди аристократических и имперских — грузины и русские. Культурные элиты были интернациональными с выраженным присутствием не только основных этнических групп, но и поляков, евреев, немцев, а нижние социальные этажи занимали выходцы из сельской местности Грузии и соседних регионов с преобладанием крестьян [Анчабадзе, Волкова, 1990].

Будучи исторической столицей Грузии и резиденцией грузинских царей, Тифлис де-факто являлся космополитичным городом, в котором ни одна из этнических групп не обладала исключительным правом культурного доминирования, концентрируя в своих руках социальные, культурные, экономические и символические ресурсы. Претензии армян — наиболее представительной и материально обеспеченной части тифлисцев — отвергались грузинами, на руках у которых были исторические и символические козыри, но не было достаточного демографического веса, политического и экономического влияния⁵. Для русских Тифлис был пограничным

5 См., например, эмоциональный очерк кн. И. Чавчавадзе, «разоблачающий» культурные претензии армян на выдающуюся роль в формировании грузинской культуры и нации, и ответ на него Х.А. Вермишева [Чавчавадзе, 1902; Вермишев, 1904].

городом, соединявшим культурные миры Кавказского и Черноморского регионов. Значительное русское присутствие смягчало тягу к «национализации» Тифлиса в свою пользу со стороны армян и грузин. Культурный плюрализм города позволял имперским властям удерживать ситуацию от открытых конфликтов более надежно, нежели военное присутствие. При этом, конечно, приходилось балансировать между стратегией унификации публичной жизни города в соответствии с практикой, принятой в империи, и сохранением культурного разнообразия в частной жизни горожан. Совокупность предпринимаемых мер составляла непоследовательную и противоречивую политику, реагировавшую на социально-политические изменения как в жизни империи, так и города. Тем не менее можно выделить три стратегических направления, сохранивших свое значение вплоть до начала XX в.

1. Ассимиляция грузинской православной церкви. Грузинская церковь потеряла свою автокефалию в 1810 г. Следствием включения грузинской церкви в состав РПЦ стало назначение в 1811 г. ексарха Иверии вместо католикоса. Это событие вызвало неоднозначные оценки, но их общий тон был скорее позитивным. «Грузинская Церковь около пятнадцати веков почти постоянно проходившая сквозь горнило различных бедствий, мужественно отстаивая свое древнее Православие от врагов веры, наконец, отдохнула от ужасов в лоне благодетельной Сестры своей — Всероссийской Греко-Восточной Церкви» [Цагарели, 1848, с. 51]. Затем последовала структурно-организационная реформа грузинской церкви.

Сегодня эта череда событий рассматривается большинством зарубежных и грузинских историков как подавление царскими властями самостоятельности церкви, обладавшей моральным авторитетом и значительными экономическими ресурсами, из опасения, что она может стать центром консолидации грузинской оппозиции [Sury, 1994; Gvosdev, 2000; Серрано, 2013; Tsitsishvili, 2010].

Однако представляется, что имперскую политику того времени, несмотря на все издержки ее реализации, корректнее рассматривать не как злой умысел или репрессии против грузинской церкви, а как распространение на Грузию практики российских церковных реформ [Рыбаков, 2010]. Стремление к централизации важных управленческих функций

всегда было отличительной чертой российской внутренней политики, включая создание единого правового поля регулирования деятельности различных конфессий. Другой вопрос, что политическая целесообразность имперской интеграции вошла в противоречие с задачами культурной консолидации грузинской нации, одной из опор которой была автокефальная грузинская церковь.

Если говорить о непосредственном влиянии на Тифлис ассимиляции грузинской церкви, то можно выделить следующие моменты. Устранение ее организационного политцентризма, понижение статуса Мцхеты — исторического «ядра» грузинского православия (роль Мцхеты признавалась, но связывалась с прошлым) и перенос центра тяжести духовного управления грузинского ексархата в Тифлис. Во многих храмах города было введено богослужение на церковнославянском языке, включая Успенский (Сионский) кафедральный собор, где праздничные службы вел ексарх Грузии, назначаемый из Петербурга, и проводился обряд рукоположения грузинских архиереев. Подчеркнуто подчиненное положение грузинских иерархов и использование непонятного языка привели к тому, что грузинская православная церковь перестала восприниматься в качестве «своей» значительной частью грузинского населения Тифлиса. Статус и авторитет духовных пастырей снизился, их место заступила интеллигенция [Freeze, 1996, 2015].

Продвигая идеи формирования национального самосознания, образованные грузины опирались не на ресурсы и историю церкви, а на университетские знания и немецкую философию [Гелашвили, 2015]. Если грузинская церковь исторически была сторонницей и движущей силой вхождения грузинских княжеств в состав Российской империи [Скурят, 2012], то интеллигенция, напротив, выхода. Это, конечно, не мешало политической инструментализации нарратива о тысячелетней автокефалии церкви и ее ключевой роли в формировании грузинской нации.

Еще одним следствием ассимиляции грузинской церкви стало усиление противоречий между грузинской и армянской общинами города. Слияние грузинской и русской православных церквей де-юре повышало статус грузин как последователей господствующей конфессии, но де-факто рассматривалось как их неспособность отстаивать «свою» веру. То, что грегорианская церковь в тех же поли-

тических условиях сохранила свою автономию и престол в Эчмиадзине, служило серьезным раздражающим фактором и поводом для постоянных пикировок между грузинами и армянами в публичной сфере [Верт, 2006].

2. Признание плюрализма ценностей.

Для имперской администрации Тифлис был «столицей» Кавказа, а не только Грузии. В течение всего XIX в. город наращивал свои культурно-образовательные функции, отвечающие многообразию населения региона в целом. Отдавая приоритет распространению русского языка и культуры, имперская власть тем не менее стремилась к сохранению межкультурного равновесия и интеграции (а не ассимиляции) в имперское пространство разнородного кавказского населения. «Слабые» в политическом отношении этноконфессиональные группы фактически рассматривались как меньшинства и могли рассчитывать на государственную поддержку, тогда как способные конкурировать за ресурсы власти (символические, культурные, социальные, экономические) — сдерживались. Это «сдерживание» заключалось не в запрете каких-либо видов деятельности, хотя и такое случалось, особенно в случае с национальными газетами, а в отсутствии финансовой помощи. Например, при поддержке имперской администрации в 1847 г. было открыто первое на Кавказе Тифлисское мусульманское училище для шиитов, а в 1848 г. — для суннитов. Спустя четверть века, когда мусульманская община в полной мере ощутила свое «право на город», ее авторитетными представителями было выдвинуто предложение «об учреждении в Тифлисе правительством и за счет государственного казначейства закрытого училища для женщин мусульманок». В администрации наместничества по этому поводу возникли разногласия, дело было вынесено на рассмотрение особого комитета. После долгих споров, «[п]очти все присутствовавшие в комитете выразили мнение, что учреждение такого заведения на средства казны нежелательно; а если некоторые тифлисские мусульмане желают такого заведения, то подобно тому, как бывает при учреждении гимназий, само общество может собрать для сего средства; впоследствии же правительство может дать со своей стороны пособие такому учреждению» [Победоносцев, 1926, с. 44].

Другой яркий пример — интеграция немецкой общины Тифлиса. Хотя наше воображение рисует немецких колонистов как креп-

ких, зажиточных и трудолюбивых бюргеров, тифлисская реальность разительно отличалась от этого образа. Среди прибывших в город колонистов большинство составляли люди, испытывавшие значительные трудности или даже гонения на родине: бедняки, привлеченные обещанием государственной помощи на обустройство, и религиозные сектанты. Отзывы российских должностных лиц об этих людях полны хорошо знакомой нам сегодня риторики о нежелании мигрантов интегрироваться и об их стремлении жить на государственные пособия не работая [Чернова-Дёке, 2008]. Ожидания, что немецкие колонисты внесут «струю цивилизации» в местное общество, не оправдывались. В 1833 г. барон Г.В. Розен сообщил министру внутренних дел Д.Н. Блудову о том, что значительная часть тифлисских колонистов «весьма мало заботится о своем благосостоянии», несмотря на попечение правительства, поэтому сама колония «не подает надежды увидеть ее процветающей» [Там же, с. 62]. Только к 1850-м годам немецкая колония Тифлиса обрела вид поселения, появились улицы, обстроенные одно- и двухэтажными домами, школа и кирха, а экономика домохозяйств — черты успешности. «Посмотрите на Новые Куки, — писала газета «Кавказ», — какой миленький городок возникает на месте кучи грязных и вонючих землянок» [Урушадзе, 2014, с. 177]. В 1852 г. колония была причислена к Тифлису, в 1861 г. — включена в состав города, а колонисты — в состав городских обывателей.

Если на начальном этапе существования немецкой колонии политика имперских властей строилась на предположении об интегрирующей роли экономических факторов — льгот, пособий, невозвратных кредитов и проч., то довольно скоро обнаружилось, что деньги слабо мотивируют людей к интеграции и что немецкие колонии в Грузии «производят впечатление сильно развитой замкнутости и национализма» [Басихин, 1900, с. 25]. Одной из причин этого была взаимная неприязнь между немцами и местными жителями (исключение, пожалуй, составляла лишь часть армян, также являвшихся переселенцами). Другой — страх утратить собственную идентичность. Устав общины немецких колонистов предписывал им замкнутый образ жизни, послушание, избегание контактов с местными. Запрещалось ездить в город в воскресные и праздничные дни, вступать в брак с представителями иной нацио-

нальности и другой конфессии. Над жизнью колонистов, особенно из числа сектантов, тяготели различные предзнаменования, что нередко приводило к социальным эксцессам: люди бросали работу и в ожидании второго пришествия продавали или раздавали свое имущество, готовясь к «походу» в Палестину [Чернова-Дёке, 2008, с. 98]. Первые попытки преодолеть сектантство, включив кавказских колонистов в жизнь протестантской общины Российской империи, не имели большого успеха. В 1825 г., по просьбе генерала Ермолова, в Тифлис от Саратовской консистории был назначен пастор, но колонисты указали ему «на двери». Несколько более успешной была деятельность Базельских миссионеров, работавших в тесном контакте с имперской администрацией: пасторы вызывались и назначались с утверждения Министерства внутренних дел и с согласия Базельской миссии. В 1832 г. Евангелическо-Лютеранская церковь, до этого времени бывшая иностранной, стала российской, начиная с 1842 г. все пасторы должны были иметь российское подданство и владеть русским языком, с 1852 г. предписывалось проводить конфирмационные занятия на русском языке, а с 1863 г. — также отдельные богослужения и библейские часы [Велицин, 1893; Лиценбергер, 2003].

Становление Евангелическо-Лютеранской церкви в империи и рост ее авторитета позволили преодолеть недоверие сторонников разных толков протестантизма в немецких колониях Кавказа и их разобщенность. Консолидация на основе общей системы ценностей способствовала упорядочиванию представлений людей и успешности их экономической деятельности. Это, в свою очередь, создало возможность социальной интеграции, после чего немцы перестали считаться поселенцами, лишились привилегий и превратились в рядовых подданных империи и жителей Тифлиса, оказав большое влияние на социальную и культурную жизнь города.

3. Городская «модернизация» как средство культурной интеграции. После выбора Тифлиса административным центром Кавказского наместничества в городе начался строительный бум. Столица Закавказья должна была соответствовать своему статусу и статусу проживавших там должностных лиц империи, демонстрировать позитивный результат вхождения Грузии в состав России. Прежний Тифлис эту задачу решить не мог. Когда граф М.С. Воронцов — первый на-

местник края — приехал в свою «столицу», то вместо города «храмов и дворцов», каким его описывала легенда, нашел «полуразоренные смрадные гнезда, жалкие, слепившиеся груды тесных домов, без улиц и площадей, непроглядную кутерьму горских построек. <...> Это было, разумеется, очень живописно... но дышать было нечем... нечистоты выбрасывались за стены. Пыль стояла такая, что в ней нельзя было ничего различить» [Немирович-Данченко, 1996, с. 458]. Возведение «нового» Тифлиса началось почти сразу, вокруг средневекового города, там, где позволял рельеф местности. Крупные инвестиции в строительное и появление нового класса российских гражданских и военных должностных лиц, предъявлявших новые требования к стандартам городской жизни, способствовали стремительному развитию торговой, обслуживающей и культурной инфраструктуры города, местный капитал также начал вкладываться в городское благоустройство. Тифлис обрел не свойственную ему раньше контрастность. Если старый Тифлис был «тесен, мрачен, грязен», то новый состоял из «прямых, широких улиц; больших хорошо обстроенных площадей и домов... красивой архитектуры» [Ольшевский, 2003, с. 293–294]. Местные жители удивлялись перевоплощению Тифлиса «из города восточного в город европейский» [Исмаил-Заде, 1991, с. 11]. Главным в этой обширной программе преобразований было возникновение многочисленных публичных пространств, не только базаров, но и театров, библиотек, променадов, городских садов и парков. Тифлис стал местом жизни людей, а не только «главным торговым павильоном кавказской ярмарки» или резиденцией царей и царских наместников. Он начал «диктовать» свои законы, образ жизни, моды и увлечения, продуцировать городское сообщество и его ядро — интеллигенцию, вводить совершенно иные принципы поведения людей, которые меньше зависели от традиционного уклада, семьи, клана, этнической группы и проч.

Крах Российской империи, образование независимой Грузинской демократической республики, а затем Грузинской ССР полностью изменили приоритеты национальной политики: на первый план вышло право народов на самоопределение в рамках закрепленных за ними территорий. Началась «национализация» Тифлиса, сначала с не-

гласного вытеснения армян с рынка труда и должностных постов, затем в 1936 г. город был переименован в Тбилиси в соответствии с грузинским произношением, в 1949 г. в рамках «борьбы с антиобщественными и паразитическими элементами» из Тбилиси были выселены многие армяне, азербайджанцы, греки, ассирийцы и проч. Но и без этих действий доля грузин в Тбилиси постоянно увеличивалась благодаря миграции из сельской местности. Если в 1939 г. она составляла 44%, то в 1989 г. — 66%. Тенденция «грузинизации» усилилась в постсоветские годы, когда начался массовый отток русского и еврейского населения из Тбилиси. В результате по переписи 2002 г. на долю грузин приходилось уже 84,2% жителей города, а в 2014 г. — 86% [Salukvadze, Golubchikov, 2016]. Неудивительно, что современный Тбилиси утратил свою космополитичность, став монокультурным грузинским городом, однако сохранил следы былого культурного плюрализма.

Приложение 2

Харбин: национализм versus экспансионизм

Начавшееся в XVII в. «прирастание» России Сибирью в начале XX в. приобрело столь значительные масштабы, что стало восприниматься как нежелательное. «Нам мало поляков, финляндцев, немцев, латышей, грузин, армян, татар и пр. и пр., — писал С.Ю. Витте в 1907 г., — мы пожелали еще присоединить территорию с монголами, китайцами, корейцами. Из-за этого и произошла война, потрясшая Российскую Империю; и когда мы опять придем в равновесие, и придем ли вообще?» [Bumte, 1994, с. 239]. Тем не менее двумя десятилетиями ранее именно Витте был горячим сторонником прокладки маршрута Транссибирской магистрали через территорию Маньчжурии⁶. Во-первых, маньчжурский маршрут существенно сокращал протяженность железнодорожной линии, открывавшей выход к тихоокеанским портам, а во-вторых, экономическая экспансия, по мнению Витте, более отвечала

интересам государства, нежели включение новых территорий в состав империи. Говорилось и о необходимости создания буферной зоны безопасности вблизи дальневосточных рубежей империи из-за экспансионистской политики Японии, также стремившейся к расширению своих пределов и геополитического влияния. Все эти рассуждения вполне вписывались в современную для того времени внешнюю политику европейских стран. «Железнодорожный колониализм» процветал в Северной и Южной Америке, Индии, Африке и Австралии. В самом Китае существовало множество европейских концессий (прежде всего, английских) — в Шанхае, Тяньцзине, Гонконге и других портовых городах. Россия вступила на этот путь сравнительно поздно, используя «международный опыт».

В 1894 г. началось строительство Транссиба. Прокладка железной дороги меняла расклад политических сил на Дальнем Востоке в пользу Российской империи, что беспокоило японское правительство [Bumte, 1991]. В 1894 г. Япония реализовала свои территориальные претензии. Экспансия на материк привела к утрате Китаем контроля над Кореей и Ляодунским полуостровом, считавшимся неоспоримой китайской территорией. Международное политическое давление России (совместно с Германией и Францией) способствовало выводу японских войск с Ляодунского полуострова. Дипломатический успех привел к сближению Российской и Китайской империй. В 1896 г. был подписан секретный договор, который предусматривал создание оборонительного союза двух держав для предупреждения потенциального вторжения Японии на континент. Он также предоставлял российскому правительству концессию на сооружение и эксплуатацию железной дороги через территорию Маньчжурии при условии, что проект не будет служить поводом для российской экспансии в Китае. В 1897 г. началось строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), соединявшей Читу с Владивостоком. В 1898 г. на пересечении железнодорожной линии и р. Сунгари был заложен Харбин. Строительство Южно-Маньчжурской железной дороги в направлении Порт-Артура (Люйшуня) и Дальнего (Даляня) еще более усилило значение этого транспортного узла, превратившегося в «столицу» КВЖД.

Начало строительства дороги и города совпало по времени с контрмодернизационным восстанием ихэтуаней («боксеров») в Китае.

⁶ Маньчжурия — историческое название Северо-Восточного Китая. Последняя императорская династия Китая Цин, правившая страной с 1644 по 1912 г., имела маньчжурское происхождение и относилась к этой территории как к «вотчине». Сегодня на территории бывшей Маньчжурии располагаются три восточные провинции Китая: Хэйлуунцзян, Гирин и Ляонин.

Гнев повстанцев — борцов за справедливость, защитников нации и ее тысячелетних традиций, был направлен как против европейских колонизаторов — «белых чертей» и «заморских дьяволов», насаждавших повсюду свои предприятия и порядки, так и программы буржуазных реформ собственного правительства. Многие сложные инженерные сооружения КВЖД и линия дороги были повреждены повстанцами: убытки исчислялись миллионами. Пришлось проводить восстановительные работы. Эти обстоятельства стали причиной изменения правового режима на территории российской концессии. Оставаясь де-юре чисто коммерческим предприятием, КВЖД, включая населенные пункты, обрела статус экстерриториальности. По российским правилам и законам стали жить не только российские подданные — служащие дороги, но и китайское население — жители полосы отчуждения [Chiasson, 2011]. Это создало коллизию, которая одновременно облегчала условия для российского предпринимательства, снимая правовые и институциональные барьеры, и создавала напряжение между управлением дорогой и китайскими властями.

В 1903 г. — к моменту открытия постоянного грузового и пассажирского движения на КВЖД — число жителей Харбина составляло 44 576 человек, из которых 35% были российскими подданными и 64% — китайскими [Мелихов, 1991, с. 94]. Первых называли «русскими», а вторых «китайцами», хотя обе группы были мультиэтничными по своему составу. Город еще не был достроен и благоустроен, но три его основных района уже отчетливо наметились: Старый Харбин — бараки первых изыскателей и рабочих, расположенные при впадении р. Ашихэ в р. Сунгари, Новый Город — административно-финансовый центр Харбина, примыкавший к железнодорожной станции, и Пристань — торгово-промышленно-ремесленный район, стихийно разраставшийся на берегу р. Сунгари.

В период русско-японской войны (1904–1905 гг.) Харбин стал тыловой базой русской армии. Через город шли потоки военнослужащих, продовольствия, снаряжения и боеприпасов. Война и ее нужды стимулировали городскую экономику: город наполнился российскими и иностранными предпринимателями, жизнь закипела. «Харбин был озолочен сперва постройкой железной дороги, а затем пребыванием в Маньчжурии миллионной русской армии» [Нилус, 1923, с. 387]. С оконча-

нием войны и уходом войск город опустел, закрывались его рестораны и магазины, увольнялся персонал госпиталей, пустыми стояли квартиры и казармы для военнослужащих. Экономический спад продлился до 1907 г., когда возобновилось регулярное движение на КВЖД.

В 1908 г. в Харбине было введено городское самоуправление. В выборах в муниципальные органы власти могли участвовать как домовладельцы, так и съемщики квартир, но установленный имущественный ценз был высоким. В 1911 г. право входить в органы Харбинского общественного управления получили не только российские, но и китайские подданные. Может показаться, что это стало результатом борьбы китайского населения, составлявшего большинство жителей города, за свои гражданские права, но на деле «демократизация» была следствием политики муниципалитета, искавшего возможности расширения налоговой базы городского управления. В 1914 г. аналогичное соглашение было достигнуто и с иностранными консульствами, расположенными в Харбине, их состоятельные подопечные также стали городскими налогоплательщиками [Аблова, 1998].

Вплоть до 1917 г. «столица» КВЖД интенсивно развивалась, что давало повод для сравнения Харбина с Парижем. Широкие авеню, красивые здания в стиле модерн, соборы, театры, опера, консерватория, многочисленные рестораны, магазины и кафе, европейская мода с оттенком ориентализма и тягой к шелковой роскоши, свежая пресса на всех языках, многоликая уличная толпа и постоянно звучащая русская, китайская, английская, немецкая и французская речь. Это неполный список примет времени, воспоминания о котором можно найти в любой публикации, посвященной Харбину. Столь же распространенным было и представление о Харбине как «открытом и толерантном» городе [Хуэй, 2015], «международной выставке рода человеческого» [Василенко, 1998].

Харбин действительно был интернациональным, но не космополитичным городом: русская культура явно доминировала, определяя правила жизни, вкусы и привычки людей. При этом забывалось, что численность русского населения никогда не превышала половины жителей города [Мелихов, 1991; Капран, 2011]. С позиции современной урбанистики Харбин был дуальным городом (dual city) [Mollenkopf, Castells, 1991], разные части

которого развивались по-разному и с разной скоростью, а сами «харбинцы» отчетливо разделялись по своим представлениям и жизненным перспективам. Дуальность Харбина проявлялась во всем: в городе сложились два центра: один вокруг Пристани на р. Сунгари, другой — Новый Харбин, вокруг станции железной дороги. Первый хаотично застраивался (Китайская улица Харбина, ныне его главная торговая артерия, возникла как результат борьбы со стихией самодеятельности и продвижения «фасадной архитектуры»), второй — строился по всем градостроительным правилам с привлечением известных архитекторов [Левашко, 2003]. Само название района — «Новый Харбин» — звучит парадоксально в совершенно новом городе, символизируя не столько последовательность строительства, сколько прогресс, новую эпоху электричества и комфорта, в противовес столь же новой, но «старой» по духу Пристани.

В Новом Харбине доминировала русская речь, в Пристани — китайская, хотя жесткой сегрегации между русскими и китайскими районами не было. В городе функционировали два официальных языка. Китайский как язык материнского государства и русский как язык «государства в государстве». На русском велись все дела КВЖД и судопроизводство, он был языком культуры и образования. Китайские служащие дороги обязаны были знать русский. Но такие обязательства не действовали в отношении китайского языка и русских служащих. В повседневном общении для достижения взаимопонимания довольно быстро сформировался харбинский пиджин, лексика которого была преимущественно русской, а грамматика китайской. Состоял он из набора обиходных исковерканных слов: боэршитан (борщ), булацци (платье), дулокэ или дулакэ (дурак), халасо (хорошо), леба (хлеб) и проч., что было источником насмешек со стороны русского населения [Ма На, 2015].

Не только расовые или этнокультурные, но и социальные различия в городе были очевидными. Существовала значительная диспропорция в оплате труда и услуг китайцев и русских. Подавляющая часть китайского населения жила в нищете и была «почти поголовно безграмотной» [Мальцева, Терехина, 2002], в то время как среди русских, по переписи 1913 г., грамотными были 49,6%, а среди представителей других российских этносов (евреев, армян, поляков, украинцев, азербайджанцев и проч.) эта доля была еще выше [Оглезнева,

2011]. В Харбине действовали шесть русских учебных заведений, финансируемых из бюджета КВЖД, и втрое больше частных [Хунзэ, 2014]. Работали начальная украинская школа, первая украинская смешанная гимназия и двухклассное Высшее начальное училище, еврейская гимназия и еврейская национальная школа «Талмуд-Тора» им. Л.Ш. Скидельского, трудовая школа им. Шварц-Кауфман, польская гимназия им. Г. Сенкевича, школа В.Ф. Лазовского и Польское высшее начальное училище, приходские школы при костелах Св. Станислава и Св. Иосафата. Издавались национальные газеты и журналы. Были построены храмы всех конфессий, признанных в Российской империи: православные соборы, лютеранская церковь, костел, синагога, соборная мечеть. У китайского населения ничего подобного не было, ни школ, ни церквей, оно выпадало из поля зрения управления дорогой и городом. Китайцы Харбина были подданными другого государства, «иностранцами» в своей стране, хотя из них и выделялась группа «своих» китайцев — служащих КВЖД, на которых распространялась российская политика. Они имели возможность учить своих детей в русских школах, также были организованы уроки для китайцев в вечернее время и начальная школа для китайских детей, содержавшаяся родителями.

Российская часть харбинского общества жила, не замечая его второй, более многочисленной части, принимая услуги услужливого китайского населения как должное. Сама китайская жизнь мало интересовала русских, живущих в Харбине. Зато она интересовала китайцев. Постепенно, по мере того как подрастала китайская интеллигенция, получившая образование в иностранных школах и университетах, приходило осознание дискриминированного положения китайцев в собственной стране и понимание связи этой ситуации с экономической отсталостью. В среде интернационального города, гордящегося своей открытостью и толерантностью, зародился и вырос национализм. Дальнейшая история межкультурных отношений в Харбине — это история борьбы разнообразных национализмов.

Первое харбинское поколение националистов было китайским и находилось в оппозиции ко всему российскому. Сторонники китайского возрождения были государственниками, они одновременно ставили задачу подъема национального самосознания

и стремились следовать образцам современности, задаваемым модернизацией западного типа [Carter, 2002]. Начиная с 1910-х годов в городе набирают популярность идеи «китайского» Харбина в противовес «русскому». Национальный нарратив выстраивается вокруг тем расовой дискриминации китайского населения, игнорирования его культурной и исторической самобытности, ущемления этнической и конфессиональной идентичности, утраты Китаем части государственного суверенитета на своей территории. Все эти аргументы были адресованы российскому империализму и в глазах первого поколения китайских националистов не отменяли сложившейся интернациональности города. Вынеся свои представления преимущественно из Европы, они видели в ней естественного союзника. В 1916 г. в Харбине была открыта школа Дунхуа, целью которой стало преподавание современных знаний, китайского и иностранных языков, воспитание китайского самосознания и изучение основ христианской культуры. Преподаватели и ученики школы, а значит и многие родители, были настроены антиимперски и демонстрировали готовность участвовать в вооруженной борьбе против российского колониализма, даже вопреки китайским властям, стремившимся к поддержанию порядка в городе и на линии железной дороги.

Первая мировая война, февральская и октябрьская революции 1917 г. в России, последовавшая затем гражданская война кардинально изменили ситуацию. Во-первых, в Харбин хлынули потоки беженцев из России: всего за несколько лет русское население города удвоилось. Это был единственный период, когда численность «русских» превышала численность «китайцев». Во-вторых, был нарушен геополитический баланс сил в регионе, установившийся после японо-китайской и русско-японской войн [Masafumi, 2010]. В-третьих, китайские власти стали последовательно расширять сферу своего контроля на КВЖД, пересматривая право экстерриториальности дороги. В 1920 г. было отменено российское судопроизводство, затем руководство полиции перешло в руки китайской администрации. В марте 1921 г. было упразднено Гражданское управление КВЖД, его функции были переданы созданному китайцами Управлению Особого района трех восточных провинций (ОРТВП).

Китайские националисты праздновали победу над русским империализмом. Все то, на что муниципальные власти Харбина и Управление дороги не обращали раньше внимания, оказалось в центре забот. Город должен был приобрести китайские черты, отвечающие национальному духу. Началась активная работа по организации школ для китайских учащихся: для этой цели в смете дороги предусматривалась отдельная статья расходов. Был принят закон об обязательном использовании китайского языка в вывесках магазинов, кафе и ресторанов, уличной рекламе. В 1923 г. возведен буддийский храм Блаженства (Цзилэсы), символически «осенивший» русское кладбище, а в 1926 г. — конфуцианский.

Весной 1924 г. СССР и Китайская Республика подписали соглашение о паритетных правах на КВЖД, что фактически ликвидировало российскую концессию, но сохраняло возможность управления и обслуживания дороги советской стороной. Китай, в свою очередь, принимал на себя обязательства не передавать свои права и привилегии третьим странам. Возникла парадоксальная ситуация, когда царские и советские служащие, белоэмигранты и коммунисты работали в Харбине вместе, а их дети учились в одних школах по советским учебникам. В 1926 г. была пересмотрена система городского управления: вместо Харбинского общественного управления был образован Временный комитет, в состав которого вошли только китайцы. Русское население Харбина окончательно почувствовало себя иностранцами в городе, который еще вчера считало полностью «своим».

Конец 1920-х годов был драматическим не только для русского населения, но и для первого поколения китайских националистов Харбина. Движение, объединявшее очень разнородные силы под лозунгами национального единства и спасения отечества, начало распадаться на группы, по-разному представлявшие будущность китайской государственности. Странники Гоминьдана и Чан Кайши, возглавившего правительство Китая в 1928 г., делали ставку на национальное возрождение с опорой на китайские традиции и духовность, а его противники — на модернизацию. Ряды национального фронта покинули многочисленные религиозные деятели и их последователи, поскольку со строительством храмов их цели были достигнуты. В ноябре 1928 г. в Харбине правительственными силами были подавлены выступления китайских студентов, выдвигав-

ших одновременно антиимпериалистические (теперь против Японии) и прокоммунистические лозунги. Репрессии дали толчок для мобилизации маньчжурской идентичности в противовес китайской: если поставленных целей нельзя было сразу достигнуть в масштабах Китая, то можно было попробовать осуществить модернизацию в пределах Маньчжурии как наиболее промышленно развитого региона страны. Второе поколение харбинских националистов было маньчжурским, оно стало носителем сецессионистских, а не объединительных настроений.

В те же годы под влиянием, с одной стороны, фрустрации, переживаемой многими русскими эмигрантами, утратившими свои позиции не только на родине, но и в Харбине, а с другой — политических успехов европейских и китайских национализмов, начинается оформление русское националистическое движение. Студенты юридического факультета Харбинского политехнического института создают первую Российскую фашистскую организацию и выпускают «Тезисы русского фашизма» (1927). В мае 1931 г. организация преобразуется в партию, получающую широкую поддержку среди эмигрантской молодежи. В основе идеологии партии лежали антикоммунизм, антисоветизм и антисемитизм [Аблова, 1999].

Осенью 1931 г. правительство Японии, внимательно следившее за ситуацией в Китае, вводит войска в Маньчжурию, а в начале 1932 г. — полностью ее оккупирует. Провозглашается независимое государство Маньчжоу-Го (в 1934 г. преобразовано в Маньчжоу-Диго). В качестве внешнеполитического аргумента для обоснования правомерности действий Японии послужила необходимость сдерживания коммунистического влияния в Азии, в качестве внутривнутриполитического — восстановление маньчжурской государственности. «Основываясь на том, что Маньчжурия и Монголия раньше были независимыми государствами, мы теперь решили создать мощное независимое государство Маньчжоу-Го из двух этих составных частей. <...> Все граждане нового государства будут иметь равные права; всякие привилегии — личные, классовые и национальные — отменяются. Кроме коренных жителей ханьского, маньчжурского и монгольского племен, все другие народности, как ниппонцы, корейцы, русские и другие, будут пользоваться в нашей стране всеми правами» [Усов, 2003, с. 159].

Японское наступление практически не встретило сопротивления ни в Маньчжурии, ни в Харбине. Китайская армия отступила без боев. Основной задачей Гоминьдана была борьба с внутренними врагами, прежде всего с коммунистами, для противодействия которым было необходимо сохранить дееспособность армии. Маньчжурские националисты Харбина полагали, что японская оккупация может быть инструментально полезной, позволяя реализовать идею Маньчжурии как плацдарма модернизации всей страны. Русские националисты и фашисты рассчитывали с помощью Японии развернуть антисоветскую борьбу на территории СССР.

В городе началась эпоха предвоенного экономического бума и японского государственного шовинизма. В 1932 г. была создана Всеманьчжурская всенародная организация «Киовакай», призванная охранять «дух основания государства» и «воспитывать народ». Воспитание предполагало формирование представления о Японии, во-первых, как спасительницы Азии от грабительской деятельности России и европейских стран, во-вторых, от вируса коммунизма, и, в-третьих, как силы, реализующей исторически «правильный курс» в интересах местного населения в противовес ошибочной политике правительства Китая [Кейдун, Елисеева, 2010].

Для русских, которые все еще составляли около трети населения Харбина, это означало дискриминацию. Российские и советские служащие выдавливались из Управления железной дорогой, на их места приходили японцы. В декабре 1934 г. было создано Бюро по делам российских эмигрантов, осуществлявшее тотальный контроль за жизнью людей — от покупки товаров до школьного образования и медицинских консультаций. Все русские жители Харбина должны были зарегистрироваться в Бюро и ежемесячно отчислять в его фонд 1% от своих доходов [Канран, 2011]. В 1935 г. советское правительство уступило свои права на КВЖД правительству Маньчжоу-Го, и подавляющее большинство граждан СССР — служащих КВЖД (около 23 тыс.) вернулись на родину. Была введена цензура, в школах стали изучать японский язык и проводить церемонии поклонения богине Солнца Аматарасу. Начался исход русских из Харбина. Дискриминации подверглось и китайское население. Вторая мировая война усугубила эти процессы: была введена карточная система, русским и китайцам не

продавали мясо, рис, сахар и другие продукты, многие медикаменты [Капран, 2011, с. 62].

После окончания войны и образования в 1949 г. при активной помощи СССР Китайской Народной Республики новый режим устанавливает полный контроль над территорией Маньчжурии. Харбин утрачивает свое лимитрофное положение и превращается в обычный провинциальный центр. Оставшиеся русские либо репатрируются, либо уезжают из Китая, в Харбине остаются единицы. Тем не менее память о русских сохраняется и является поводом для идеологического раздражения. Китайские коммунисты становятся носителями государственного национализма, который трактуется как патриотизм. В годы «культурной революции» часть русского наследия Харбина подвергается разрушениям. В эпоху реформ и открытости Дэн Сяопина этот процесс продолжается, распространяясь на рядовую застройку, но уже под лозунгами модернизации.

В 1990-е годы в судьбе Харбина происходит важный поворот. Почти полувековой экономический и культурный спад в жизни города способствовал не только распространению социального уныния, но и ностальгии по блистательному прошлому города. «Трудно поверить, что в 1920-х годах здесь выходило более сотни газет на иностранных языках. Процветали разные культуры. Взгляните на Харбин сегодня. Сейчас мы закрыты, провинциальны и отстали. Интеллектуальная жизнь замерла» [Кого, 2008, р. 232]. Поиск новых путей развития заставил местные власти и интеллектуалов обратить взоры на европейскую практику городского маркетинга. Представление о Харбине как о городе, сплавившем русскую и китайскую культуры, позволяло

трансформировать его инаковость в туристическую привлекательность. Однако городская среда, напоминая о «русском» Харбине, находилась в глубоком упадке, требовала благоустройства и значительных финансовых средств. Их предполагалось изыскать благодаря празднованию столетия основания города.

Экономический прагматизм натолкнулся на идеологическое сопротивление. Памятники колониального прошлого, которые в течение многих десятилетий рассматривались как свидетельства национального унижения, не могли стать предметом гордости, а столетие Харбина — праздником. В научных публикациях и СМИ разворачиваются горячие дебаты относительно происхождения города с привлечением авторитетных историков. Побеждает точка зрения о древнем происхождении Харбина и его связи с династиями Цзинь и Цин. Вопрос юбилея выносится на суд Пекина, откуда спускается директива, аннулирующая планы праздника. Тем не менее Софийский собор Харбина признается национальной достопримечательностью и реконструируется на пожертвования нынешних и прежних харбинцев. Застройка вокруг храма сносится, а сам он становится визитной карточкой города. Это событие и связанные с ним дискуссии привлекают внимание к Харбину и его прошлому. В Китае город кажется экзотическим, за рубежом — ностальгическим. Туризм оживает. Выходит множество публикаций о феномене Харбина на разных языках, а сам Харбин превращается в важнейший центр трансграничных российско-китайских коммуникаций во всех сферах жизни, с успехом возвращая себе утраченный статус центра межкультурных контактов.

O. VENDINA

THE CITIES ON THE BORDER:

THE ETHNO-CULTURAL DIVERSITY “TEST”

Author: *Olga Vendina*, PhD in Social Geography, leading researcher of the Institute of Geography, PAS.

E-mail: o.vendina@gmail.com

Abstract

Cultural plurality is an intrinsic characteristics of border cities. Their specific location and the particular role that they played in the history of their own and neighbouring countries predetermine the existence of extensive transborder interrelations and mutual influence, confronting people with a choice of the cultural world to which they would like to belong. This situation is becoming even more complex because of globalization, migration processes and geopolitical shifts. The border cities are the first to respond to transformations and challenges generated by mass movements of people and proliferation of ethno-cultural diversity. The importance of their experience in cultural management and ability to deal with new challenges go far beyond a particular case. Nowadays, all the largest cities in the world are facing similar problems. These cities are looking for strategies and practices that motivate or compel their dwellers to integrate into the city community and to be aware of their cohesion with the rest of the country. In this paper, these problems are analyzed using the examples of the cities developed as a consequence of the territorial expansion of the Russian Empire (Tiflis and Harbin), and also of the cities located at the actual borders of the Russian Federation, many of which have got border city status as a result of the USSR breakdown and the “shrinkage” of the Russian space. From the analysis, the author concludes that it is not the political regime or governance that are the principal factors contributing to the intercultural consent. The intrinsic plurality of city communities and recognition of this fact by the citizens are of a larger significance. The “diversity test” consists in the ability of the authorities and the society to work out a compromise between the former and actual values and identities, between what is important for an individual as a member of its “own” circle or small community and as a citizen.

Key words: plurality; ethno-cultural diversity; border cities; migration; Russian Empire; Russian Federation; nationalism

References

- Ablova N.E. (1999) Rossijskaya fashistskaya partiya v Man'chzhurii [The Russian Fascist Party in Manchuria]. *Belorusskij zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh otnoshenij*, no 2, pp. 58–61.
- Ablova N.E. (1998) Istoriya KVZHD i rossijskoj kolonii v Man'chzhurii v konce XIX – nachale XX veka (1896–1917 gg.) [History of KVZHD and Russian Colony in Manchuria at the End of XIX – Beginning of XX Century (1896–1917)]. *Belorusskij zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh otnoshenij*, no 3, pp. 62–72.
- Anchabadze Yu.D., Volkova N.G. (1990) Staryj Tbilisi. Gorod i gorozhane v XIX veke [Ancient Tbilisi. City and their Dweller in XIX Century]. M.: Nauka.
- Basihin P. (1900) Nemeckie kolonii na Kavkaze. Ehtnograficheskij ocherk [Colonies of the Germans in the Caucasus]. *Kavkazskij vestnik*, no 1, pp. 14–26.
- Bahutov A. (1913) Putevoditel' po gor. Tiflisu s istoriko-ehntnograficheskim ocherkom i planom goroda [City Guide for Tiflis with Historical-ethnographical Essay and City Map]. Tiflis: Tipografiya “Shroma”.
- Borodkin M.M. (1910) Finlyandskaya okraina v sostave Russkogo gosudarstva [The Finland Periphery as a Part of the Russian State]. SPb: “Gosudarstvennaya tipografiya”.
- Vasilenko N.A. (1998) O chislennom i nacional'nom sostave naseleniya Harbina v 1898–1917 gg. [On

- the Population Number and their Ethnic Composition in Harbin at the 1898–1917 years]. *Dal'nij Vostok – Severo-Vostok Kitaya: istoricheskij opyt vzaimodejstviya i perspektivy sotrudnichestva*. Habarovsk: Izd. dom "Chastnaya kollekcija", pp. 62–64.
- Veidenbaum E.G. (1988) Putevoditel' po Kavkazu [Guide to Caucasus]. Tiflis.
- Velicin A.A. (1893) Nemcy v Rossii: ocherki istoricheskogo razvitiya i nastoyashchego polozheniya nemeckih kolonij na Yuge i Vostoke Rossii [The Germans in Russia: the Essays on History and Actual Situation of the Germans' Colonies on the South and East of Russia]. SPb.: Tipografiya tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za".
- Vermishev H.A. (1904) Materialy po istorii armyano-gruzinskih otnoshenij. Otvet na knizhku I. Chavchavadze: Armyanskie uchenye i "vopiyushchie kamni" [The Materials on the History of the Armenians-Georgians Relationships. The Response to the Book of I. Chavchavadze: The Armenian Scientists and "Crying Stones"]. SPb.: "Pushkinskaya skoropechatnya".
- Vert P. (2006) Glava Cerkvi, poddannij Imperatora: Armyanskij Katolikos na Perekrestke Vnutrennej i Vneshnej Politiki Imperii, 1828–1914 [The Head of the Church, the Subject of the Emperor: Catholicos of Armenia at the Crossroads of the Domestic and Foreign Policies of Empire, 1828–1914]. *Ab Imperio*, no 3, pp. 99–138.
- Vitte S.Yu. (1994) Finlyandiya [Finland]. S.Yu. Vitte. Vospominaniya. T. II. M.: Skif Alexs, pp. 220–251.
- Vitte S.Yu. (1991) Izbrannye vospominaniya. 1849–1911 gg. [The selected memoirs]. Moscow: Mysl', pp. 327–328.
- Gavrilina L.M. (2013) "Kaliningradskij tekst" kak reprezentaciya gorodskoj identichnosti [The "Kaliningrad's text" as a city identity representation]. *Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnyh issledovanij*, no 5, pp. 88–99.
- Gelashvili M.B. (2012) Johann Gottlieb Fichte i Il'ya Chavchavadze: Patres Patriae [Johann Gottlieb Fichte and Ilya Chavchavadze: Patres Patriae]. *Vestnik MGIMO*, no 6 (27), pp. 325–327.
- Grosul V.Ya. (2012) Obrazovanie SSSR (1917–1924 gg.). [The formation of USSR (1917–1924)]. Moscow: ITRK.
- Dyakin V.S. (1998) Nacional'nyj vopros vo vnutrennej politike Carizma (XIX – nach. XX vv.) [The National Issue in the Domestic Policy of the Tsarist Regime (XIX – Beginning XX Century)]. SPb.: "LISS".
- Zejnalova S. (2010) Formirovanie evropejskih etnicheskikh obshchin na Kavkaze (XIX – pervaya polovina XX veka) [The Formation of the European Ethnic Communities on the Caucasus (XIX – the first half of the XX century)]. Baku: Mutardzhim.
- Ismail-Zade D.I. (1991) Naselenie gorodov Zakavkazskogo kraja v XIX – nachale XX vekov (Istoriko-demograficheskij analiz) [Population of the Cities of the Transcaucasia in the XIX and the Begging of XX Century]. Moscow: Nauka.
- Kappeler A. (2000) Rossiya – mnogonacional'naya Imperiya. Vozniknovenie, istoriya, raspad. [Russia – Multiethnic Empire. Emergence, History and Break Down]. Moscow: Progress-Tradiciya.
- Kapran I.K. (2011) Povsednevnyaya zhizn' russkogo naseleniya Harbina (konec XIX v. – 50-e gg. XX v.). [The Daily life of the Russians in Harbine (the End of XIX Century – the 50th of the XX)]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. federal. un-ta.
- Kejduun I.B., Eliseeva Ya.A. (2010) Obshchaya karakteristika sistemy vysshih gosudarstvennyh organov Man'chzhou-Go [General Characteristics of the Manchou-Go Administration System]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser.: Gumanitarnye nauki, no 48, pp. 31–36.
- Kudryashev V.N. (2015) Vostochnaya ekspansiya rossijskoj imperii v ocenke russkih publicistov vtoroj poloviny XIX v. [The Perceiving of the Eastern Expansion of the Russian Empire by the Russian Political Writers of the Second Half of the XIX Century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Istorija*, no 1 (33), pp. 79–86.
- Levosko S.S. Russkaya arhitektura v Man'chzhurii. Konec XIX – pervaya polovina XX veka [Russian Architecture in Manchuria. The end of XIX – the first half of XX]. Habarovsk: Izd. "Chastnaya kollekcija", 2003.
- Lenin V.I. (1976) O prave nacij na samoopredelenie [On the right of Nations to self-determination (independence)]. Poln. sobr. soch. Izd. 5-e. T. 25. Moscow: Izd. Politicheskoy literatury, pp. 255–320.
- Liven D. (2010) Imperiya, istoriya i sovremennij mirovoj porjadok [Empire, History and the current World Order]. *Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i nacionalizma*. Moscow: Novoe izdatel'stvo, pp. 283–325.
- Licenberger O.A. (2003) Evangelicheskoe-Lyuteranskaya Cerkov' v rossijskoj istorii: XVI–XX vv. [The Evangelical Lutheran Church in Russian History: XVI–XX]. Moscow: Lyuteranskoe kul'turnoe nasledie.
- Ma Na. (2015) Harbinskij rusko-kitajskij pidzhin pervoj poloviny XX veka i ego vliyanie na rusckij i kitajskij yazyki i kul'tury [The Harbin's Russian-Chinese pidgin in the first half of the XX century and their impact on the Russian and Chinese languages and cultures]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no 8–3 (50), pp. 122–127.
- Mal'ceva M.P., Terekhina V.S. (2002) Obshchestvennaya zhizn' Harbina v nachale XX v. [The public life in Harbin in the beginning of the XX century]. *Rossiya i Kitaj na dal'nevostochnyh rubezhah*. Vyp. 3. Blagoveshchensk: Amurskij gos. un-t, pp. 430–434.
- Manifest imperatora Aleksandra I k gruzinskomu narodu ob uchrezhdenii vnutrennego upravleniya Gruzii /

- Pod styagom Rossii. Sbornik arhivnyh dokumentov (1992) [*Manifest of the Emperor Alexander the First*]. M.: Izd. "Russkaya kniga", pp. 258–259.
- Melihov G.V. (1991) Man'chzhuriya dalekaya i blizkaya [*Manchuria – bygone (far) and close*]. Moscow: Nauka.
- Miller A. (2005) Nacionalizm i imperiya [*Nationalism and Empire*]. Moscow: O.G.I.
- Nemirovich-Danchenko Vas. I. (1996) "V gostyah" – poezdka po Kavkazu [*"On a visit" – the journey across the Caucasus*]. Nemirovich-Danchenko Vas. I. Sobr. soch. v 3-h tomah, tom 1. Moscow: TERRA.
- Nemirovich-Danchenko Vas. I. (1892) Po Germanii i Gollandii. Putevye ocherki i vpechatleniya [*Across the Germany and Holland. The travelogue and impressions*]. SPb.: Tip. N.A. Lebedeva.
- Nilus E.H. (1923) Istoricheskiy obzor KVZHD: 1898–1923 gg. [*The historical review KVZHD: 1898–1923*]. Harbin: Tip. KVZHD i tov. "OZO".
- Oglezneva E.A. (2011) Harbin kak mnogonacional'nyy i mnogoyazychnyy centr v pervoy polovine i seredine XX v.: kolichestvennaya harakteristika yazykovoy situacii [Harbin as a multiethnic and multilingual center at the first half and the middle of the XX century]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser.: Gumanitarnye nauki, no 54, pp. 110–120.
- Ol'shevskiy M.Ya. (2003) Kavkaz s 1841 po 1866 god [*Caucasus: from 1841 to 1866 year*]. SPb.: Izd. zhurnala "Zvezda".
- Pobedonoscev K.P. (1926) Pis'mo ot 20 iyunya 1986 g. [The letters to Alexander III. 1986, June, the 20th] / Centrarchiv. *Pis'ma Pobedonosceva k Aleksandru III*. T. II. Moscow: "Novaya Moskva", pp. 111–117.
- Pobedonoscev K.P. (1926) Pis'mo ot 4 oktyabrya 1983 g. [The letters to Alexander III. 1983, October, the 4th] / Centrarchiv. *Pis'ma Pobedonosceva k Aleksandru III*. T. II. Moscow: "Novaya Moskva", pp. 42–44.
- Pushkin A.S. (1960) Puteshestvie v Arzrum [*A Journey to Arzrum*]. Sobranie sochinenij. T. 5. Moscow: GIHL, s. 412–462.
- Raspredelenie naseleniya po rodnomu yazyku i uezdam Rossijskoj Imperii krome gubernij Evropejskoj Rossii. Tiflisskiy uezd, g. Tiflis / Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj Imperii 1897 g. [*Census, 1897. City of Tiflis*]. Available at: http://demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php?reg=525 (accessed 15.12.2016).
- Rybakov A. (2010) "V oblasti kesarya": problema statusa i struktury gruzinskoj pravoslavnoj cerkvi posle otmeny avtokefalii (pervaya polovina XIX veka) [In "the Realm of Caesar": The Problem of Status and Structure of the Georgian Orthodox Church After the Revocation of Its Autocephaly]. *Ab Imperio*, no 3, pp. 113–151.
- Semenov-Tyan-Shanskij V.P. (1910) Gorod i derevnya v Evropejskoj Rossii. Ocherk po ehkonomicheskoj geografii [*Towns and Country in the European Part of Russia. The essays on Economic Geography*]. SPb.: Tip. V.F. Kirshbauma.
- Serrano S. (2013) Voploshchenie nacional'nogo edinstva ili oppozicionnaya sila? [The Georgian Orthodox Church: Manifestation of the National Cohesion or the Opposition?]. *Pro et Contra*, no. 5 (sentyabr' – oktyabr'), pp. 66–79.
- Skurat K.E. (2012) Gruzinskaya pravoslavnaya cerkov' [The Georgian Orthodox Church]. *Skurat K.E. Istoriya Pravoslavnyh Pomestnyh Cerkvej*. Kiev: Kievskaya duhovnaya akademiya, pp. 19–57.
- Urushadze A.T. (2014) Tiflis v 1845–1854 gg.: stolichnye primety i ih znachenie [Tiflis in 1845–1854: the marks of the Capital city and their meaning]. *Goroda v ehtnokul'turnom prostranstve narodov Kavkaza*. Moscow: IEHiA RAN, pp. 174–183.
- Usov V.N. (2003) Poslednij imperator Kitaya Pu I (1906–1967) [*Puyi, the last Emperor of China (1906–1967)*]. Moscow: OLMA-PRESS, pp. 159–162.
- Hunzeh Ch. (2014) Russkie obrazovatel'nye uchrezhdeniya sistemy nachal'nogo i srednego obrazovaniya v Harbine (1898–1930 gg.) [The Russian system of primary and secondary education in Harbin (1893–1930)]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser.: Gumanitarnye nauki, no 64, pp. 3–7.
- Huehij M. (2015) Russkaya emigraciya v Harbine: vzaimodejstvie dvuh kul'tur [Russian emigration to Harbin: the interrelationship of two cultures]. *Gumanit. vektor*. Ser. Filosofiya, kul'turologiya, no 2 (42), pp. 128–135.
- Cagareli M. (1848) Gruzinskaya Cerkov' svidetel'nica Pravoslaviya Russkoj Cerkvi [The Georgian Church as a testimony of the Orthodoxy for the Russian Church]. SPb.
- Chavchavadze I. (1902) Armyanskie uchenye i "vopiyushchie kamni" [The Armenian scientists and the "crying stones"] / Per. na rus. yaz. N.I. Alekseeva-Meskheva. Tiflis: Tip. Gruz. Izd. Tovarishchestva, 1902.
- Chernova-Dyoke T.N. (2008) Nemeckie poseleniya na periferii Rossijskoj Imperii. Kavkaz: vzglyad skvoz' stoletie (1818–1917) [*Colonies of the Germans on the periphery of the Russian Empire. Caucasus: looking through the centuries*]. Moscow: "MSNK-press".
- Scherbina A. (2004) Vliyanie integracionnyh i modernizacionnyh processov na Rossijskuyu Imperiyu (vtoraya polovina XIX – nachalo X stoletiya) [The impact of the modernization and integration processes on the Russian Empire]. *Logos*, no 5 (44), pp. 201–215.
- Burbank J, Cooper F. (2011) *Empire in World History. Power and Politics of Difference*. Princeton University Press.

- Carter J.H. (2002) Creating a Chinese Harbin. Nationalism in an International City, 1916–1932. Ithaca: Cornell University Press.
- Chiasson B.R. (2011) *Administering the Colonizer: Manchuria's Russians under Chinese Rule, 1918–1929*. Vancouver: UBC Press.
- Freeze G.L. (2015) From dechristianization to laicization: state, Church, and believers in Russia. *Canadian Slavonic Papers*, vol. 57, no 1–2, pp. 6–34.
- Freeze G.L. (1996) Subversive Piety: Religion and the Political Crisis in Late Imperial Russia. *The Journal of Modern History*, vol. 68 (2), pp. 308–350.
- Gvosdev N.K. (2000) *Imperial Policies and Perspectives towards Georgia, 1760–1819*. London.
- Koga Yu. (2008) "The Atmosphere of a Foreign City": Harbin's Architectural Inheritance. *Consuming the entrepreneurial city: image, memory, spectacle I* / A.M. Cronin, K. Hetherington (eds). NY: Routledge, pp. 221–254.
- Lieven D. (2002) *Empire: The Russian Empire and its Rivals*. Yale University Press.
- Masafumi A. (2010) The China-Russia-Japan Military Balance in Manchuria, 1906–1918 // *Modern Asian Studies*, no 06, vol. 44, pp. 1283–1311.
- Mollenkopf J., Castells M. (1991) *Dual City. Restructuring New York*. New York: Russell Sage Foundation.
- Russian Empire. Space, people, power 1700–1930 (2007) / J. Burbank, M. von Hagen, A. Remnev (eds). Indiana University Press.
- Slezkine Yu. (1994) The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism. *Slavic Review*, vol. 53, no 2, pp. 414–452.
- Salukvadze J., Golubchikov O. (2016) City as a Geopolitics: Tbilisi, Georgia – A Globalizing Metropolis in a Turbulent Region. *Cities*, vol. 52, pp. 39–54.
- Suny R. (1994) *The Making of the Georgian Nation*. 2nd ed. Bloomington and Indianapolis
- Tournefort P. de (1717) Lettre XVIII. Voyage d'Armenie et de Georgie // *Tournefort Pitton de. Relation d'un voyage du Levant, fait per ordre du Roy*, vol. II. Paris: Imprimerie royale, pp. 240–322.
- Tsitsishvili N. (ed.) (2010) *Cultural Paradigms and Political Change in the Caucasus*. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.